

Виктор КУСТОВ

РУССКИЙ МАНИФЕСТ

18+

Виктор Кустов

Русский манифест

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кустов В. Н.

Русский манифест / В. Н. Кустов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сборник статей, отражающих процессы, происходящие в культурном пространстве России в начале XXI века, опубликованных в различных периодических изданиях.

Содержание

Культура дня и культура ночи	5
Неразменное богатство	11
От опьянения свободой к хрусту кокона	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Культура дня и культура ночи

Отчего во времена кухонной свободы, тотального дефицита в канувшем в Лету советском государстве счастливых людей было больше?

Отчего нынче, живя в обществе изобилия, удовлетворения любых потребностей и прихотей, мы продолжаем вспоминать те годы добрым словом, на отдалении признавая прессинг коммунистического диктата, неэффективность социалистической экономики, недостаток или даже отсутствие товаров, всё же считаем их более интересными, комфортными, нравственными и, самое главное, более духовно насыщенными?

Бытующее мнение, что причина тому – послевоенное отдаление от молодости, в какой-то степени верно. Но это не главное. Как и аргумент, что с возрастом человек становится консервативен и невосприимчив к естественным изменениям, к новым временам.

Действительно, освоение новой информации для старшего поколения с низким образовательным цензом затруднительно и может являться фактором отторжения перемен, но для активной части общества зрелый возраст является наиболее плодотворной фазой жизни: на смену нераспознанным ощущениям и диктату чувств приходит осмысленный опыт постижения многомерности человеческого бытия.

Основная причина ностальгии по советским временам у тех, кто помнит те годы, лежит в сфере нематериальной, в различии духовно-нравственной атмосферы, в сопоставлении уровня культуры, образованности общества двух различных социальных устройств. Обусловлена она именно контрастом, порождённым резким переходом из одного уклада жизни в другой, с кардинальной заменой шкалы ценностей. В такие, действительно революционные, периоды особенно остро человек ощущает соответствие или несоответствие происходящего магистральному развитию человечества. Именно интуитивно ощущаемые резонанс или диссонанс человека и общества подают сигнал, настраивая нас на принятие или отрицание, заставляя пересматривать собственный опыт, и вызывают чувство удовлетворённости или же неудовлетворённости тем, что тебя окружает, и, в конечном итоге, определяют понятие счастливого либо несчастного бытия.

Вот отчего в эти переходы больше становится людей, выпадающих из социума. Вот почему, несмотря на материальное изобилие, ощутимо меняется здоровье общества в целом, превалируют суицидальные настроения. Большинство людей априори не устраивает бессмысленное существование, не таков Божий Промысел. А погоня за тленными богатствами и сиюминутными удовольствиями с точки зрения бессмертной души смысла не имеет.

Целью существования человека (человечества) является созидание именно *духовной энергии*. Той самой субстанции, из которой, в конечном итоге, и формируется *вечная космическая энергия*, в свою очередь пронизывающая и созидающая ноосферу нашей планеты. Уровень этой энергии мы измеряем *духовностью*, которая, в свою очередь, является *производной общечеловеческой культуры*, ибо с латинского «культура» переводится как возделывание, воспитание, образование. И эти три слова отражают составляющие единого процесса. А *стержнем духовности является религия*. Она издревле задаёт направление человеческим деяниям в этом мире. И все религии при кажущейся разнице имеют единый вектор этого направления. Это бессмертие Любви... Любовь – это та ткань, из которой и ткётся Духовность.

Светский вариант объяснения смысла и загадки Бытия – в философских приближениях к Истине.

От того, в какой культурной среде вырастает и живёт человек, как *воздвигается, воспитывается и образовывается*, зависит, какую сторону космической энергии, *ночную или дневную, светлую или тёмную*, он будет созидать.

Эта среда в течение срока жизни одного человека, как правило, меняется в возрастном диапазоне, так как сущность человека меняется с изменением накапливаемого опыта. И каждому поколению обязательно – как испытания духа – выпадают глобальные перемены. Таким испытанием для поколения наших дедов была революция, для поколения отцов – война, для нашего поколения – перестройка, смена формации.

Видимая сторона культуры является итогом понимания и следования религиозным заповедям. Как некоей данной нам константы.

Духовная незримая составляющая понятия культуры складывается одновременно из *мыслео образов* людей различных возрастов, то есть разного жизненного опыта. Дети, так же, как и взрослые, создают её.

На жизнь моего поколения выпало три различных среды, *три культуры*.

Первая пришлась на два послевоенных десятилетия, когда в силу возраста превалировало *незамутнённое социумом познание мира*. Это – прерогатива детства и юности. Это время для любого поколения является познавательным. Происходит постижение как материальной, так и нематериальной составляющих мироздания.

Моему поколению довелось довольствоваться довольно ограниченным объёмом доступной информации, относящейся к миру материальному. К тому же она была тщательно отфильтрована идеологическими институтами советского государства, взрослыми. Она была предельно рафинирована в угоду идеологии. Но в то же время среда эта априори (пора восторга открытий!) была комфортна, субъективно казалась бесконечной и контуры её границ угадывались разве что из наблюдений за коллизиями жизни родителей и взрослых...

Что же касается мира нематериального, мира фантазий и грёз, который, собственно и составляет сущность человека, то здесь ограничений извне практически не было. Доступ к литературе, а именно она лежала в основе образования моего поколения, развивал воображение, умение видеть невидимое, очаровывал свободой в противовес жёсткому распорядку жизни общества.

В этот период мои сверстники вырабатывали энергию, в основе которой лежали: дружба мушкетёров; самоотверженность и патриотизм молодогвардейцев; героизм самопожертвования во имя идеи революционеров и героев войны; романтика первопроходцев неизведанных просторов; жизнелюбие героев советского кино... Несмотря на столкновения, выяснения отношений (интуитивного узнавания, кто на какой стороне), в массе своей мы *генерировали энергию любви к окружающему миру и к подобным себе*.

Второе двадцатилетие нам, взрослеющим, уже входящим в общественную жизнь, против воли или охотно втягивающимся во взрослые игры, приоткрыло другие горизонты, иные отношения и тайны, вызывая желание горизонты эти достичь, а тайны непременно разгадать. Я определяю этот период как *время осознания полярности мира и жизни*, постижения закона единства и борьбы противоположностей, взаимоединства «ин» и «янь».

В этот период мы остро ощутили ограниченность открываемой нам информации и пытались восполнить этот недостаток, отчего любили группу «Битлз» и джаз, Высоцкого и бардов, поэзию и толстые журналы. Любили чтение между строк разрешаемого и скрупулёзное изучение попадавшего в руки запретного, софистику споров и демагогию деклараций.

Это был период неудовлетворённого любопытства, жажды познания истины (оттого и страна была самой читающей в мире). Благодаря этой жажде и запретам мы пропитывались культурой доступного бывшего, ушедшего в историю, пережитого другими, культурой предтеч, культурой всего человечества...

Мы читали много и жадно, тем самым развивая интуицию, стимулируя процесс познания. Я думаю, мы, как и другие поколения на этом возрастном этапе, постигали *ёмкость времени и вкус свободы*. Но наше отличие от сверстников на противостоящем Западе было в том,

что мы делали это под идеологическим прессом. Отчего больше и лучше запоминали доступное. И выдавали в Космос мощный импульс стремления *во что бы то ни стало познать истину*, а также *импульс свободолобия*, который в нас, принудительных атеистах, был сродни любви к Создателю, ибо *человек, по сути, несвободен только от Бога*.

Но культурная среда этих десятилетий в сравнении с первым периодом – периодом радостного открытия жизни, омрачаемая разве что физическим насилием взрослых и более сильных сверстников да неразделёнными чувствами – из-за недостатка достоверной информации именно о многообразии материального мира, который всё более довлел реалиями и вытеснял мир иллюзий, уже казалась душноватой. Хотя всё ещё оставалась комфортной благодаря существованию оазисов близких по духу и устремлениям людей и, самое главное, преобладающей атмосфере служения пусть и не ясному (коммунистическая идея уже не окрыляла), но чему-то светлому, возвышающему...

И ценились нашим поколением: надёжность друга, верность и нежность женской любви, мужская воля и сила, способность не бояться преодолевать трудности. Это определяло гармонию отношений между полами и в целом в обществе.

Перестройка и последовавший за ней период капитализации, напоминающий воровской шабаш, пиратское, шокирующее вторжение иной, неведомой прежде культуры, базирующейся на удовлетворении сугубо материальных потребностей и на попрании ценностей духовных, разрушили эту гармонию. Чужая культура, превозносящая физиологические потребности, перешедшая из разряда запретных в доступные, после почти пуританской жизни оказалась сверхобольстительной. Социальный крен в сторону удовлетворения сиюминутных желаний вызывали у большинства любопытство неопита и детское нетерпение узнать наконец-то неведомое прежде, вкусить запретный плод. Мы учились лгать (потому что конкуренция предполагала обьегоривание другого), бахвалиться богатством (это стало подтверждением жизненного успеха), коллективно смотреть порнофильмы (долгой всяческие, даже такие, тайны!), верить рекламе, пропитываясь раблепием перед вещами, бездумно предаваться наслаждениям...

Не ведая того, мы вдруг не только впустили к себе, но и *сами стали в какой-то мере проводниками и проповедниками иной, чем была в большой, многоязыкой и многоукладной стране, культуры, явно менее духовной, не обогащающей, а напротив, принижающей, выхолащивающей человека*.

Культуры воинствующего невежества.

Культуры постоянной лжи (реклама – образчик и пример для подражания).

Культуры нескрываемого и даже поощряемого, возводимого в ранг добродетели, эгоизма.

Культуры тщеславных тусовок и бездарных телешоу.

Одним словом, *культуры ночи, тьмы...*

Мы постепенно привыкали ко всё большим дозам этого оглуляющего оболванивания, деградируя и не отдавая себе в этом отчёта...

Увидел, поразился и запомнил надолго телесюжет о праздновании юбилея одного из сибирских городов. Жизнерадостная девушка лет восемнадцати, отвечая на вопрос журналиста, чем понравился ей праздник, не задумываясь, бойко выпалила то, что давно уже сидело в её юной головке: «Было много интересного, многих можно было увидеть, и даже героев нашего времени: грабителей банков и специальных агентов...»

Символическое признание. Пару лет назад подобное откровение я отнёс бы к недоразумению. К скудоумию и девушки, и журналиста. На худой конец объяснил бы его появление на телеэкране непрофессионализмом тех, кто этот сюжет делал и выпускал. Но...

...В центре города недавно открыли пивной ресторан... Он называется – «Шекспир»...

Прежде я посчитал бы это не очень удачным оригинальничанием. Теперь же убеждён: имеет место умысел.

Это осознанное действие. Направленное на разрушение традиционных культурных ценностей.

Это продуманное смещение понятий, перемена векторов.

Грабители банков, спецагенты – герои нашего времени.

Шекспир – всего лишь пивной бренд...

Это ли не символы уровня культуры наших дней и нашего современного общества...

В книжных магазинах полки заставлены поделками литрабов, бездарно, безвкусно, а зачастую и безграмотно тиражирующих одни и те же сюжеты, украденные у предшественников.

Телеканалы соревнуются, кто выпустит сериал потупее и покровавее.

Театр превращается в место, где собираются революционно настроенные неофиты, выдающие себя за ценителей этого жанра, который, в угоду им, деградирует на глазах.

Мастерство живописца низводится к выставлению унитаза в углу пустой комнаты. Или к стоянию раскрашенного голого художника перед публикой...

Того, кто ещё не сошёл с ума, не поверил в талантливость подобных «произведений», ежедневно обрабатывают проповедники масс-медийных структур.

Разлагающая ядовитость подобных подмен уже настолько пропитала наше общество, что у большинства перестаёт вызывать отторжение. Раздражение сменяется апатией привыкания. И наконец – потребностью застыть на уровне примитива. Молодое поколение, получившее условно-формальное образование, в основной своей массе культурно дезориентировано, но зато успешно подготовлено к жвачному образу жизни, существованию в культурной резервации общества потребления, не ведая об истинно высоких образцах материализации духа...

По закону единства и борьбы противоположностей этот процесс разрастания до уровня бескультурия (*культуры ночи*) неизбежно должен смениться и сменится возвращением к истинным ценностям (*культуре дня*). Думаю, мы уже преодолели низшую точку, нахожу все больше и больше фактов, подтверждающих это. Вот недавно в одном из госучреждений увидел охранника, читающего потрёпанную книгу. Это оказался роман Алексея Толстого. А столь необычный читатель признался, что открыл от скуки, да потому, что под руку попала, а теперь вот оторваться не может. «Интересно пишет, – не без удивления сказал он и признался: – А книги современных авторов листаешь побыстрее, чтобы узнать, чем кончится...»

Как вернуть наше общество в *культуру дня*?

Вопрос этот не праздный для тех, кому предназначено своей деятельностью созидать культуру, воссоздавая систему *возделывания, воспитания, образования*. И кто полагает единственно верным понимание этого термина как *культуры дня*.

Что или кто более всего сегодня сопротивляется возвращению вектора на своё место?

Бесспорно, *фундаментом культуры ночи является служение золотому тельцу*. Библейские тридцать сребреников – это вечная плата иудам всех времён и народов. Плата и неотвратимое наказание. Это лишь кажется тем, кто польстился на сребреники, что оно далеко.

Сегодня главный проповедник антикультуры, *культуры ночи* – телевидение. За исключением канала «Культура» менять вектор необходимо всем без исключения. Понимание этого овладевает всё большей частью общества. Но процесс этот не быстрый. Нужны другие авторы, режиссёры, журналисты, ведущие... Нужно полное обновление и хозяев, и работников. Естественно, те, кто сегодня кормится с этого стола, по доброй воле не уйдут, выдавливание может ускорить лишь смена владельцев телеканалов. Легче всего разворот сделать региональным телестудиям, где не было того нравственного (да и профессионального) падения, как на центральных каналах. Но, с другой стороны, здесь меньше потенциал, дефицит по-настоящему *квалифицированных кадров*. Новости на региональных каналах, так же как и на центральных, делаются под копирку. Попытки выйти на злободневные вопросы бытия проваливаются по причине непрофессионализма, недостаточной образованности, кругозора журналистов, привык-

ших и обученных подвизаться во всяческих пулах, не владеющих репортёрскими навыками, не имеющих творческого багажа. Оригинальных тем, интересных собеседников они не видят...

Провинциальные художники, пожалуй, сегодня наиболее приспособившаяся к переменам прослойка творцов. Совмещая работу *на заказ* с творчеством *для себя*, они постепенно возвращаются к настоящему искусству *цветотворения сопереживания* всей многогранности бытия.

Хуже обстоят дела у писателей. Формирование бездумного потребителя не предполагает создание шедевров и выпестовывание классиков. Концентрация издательств и торговых сетей в столице позволяет успешно решать поставленную идеологией потребления задачу. Не желающие способствовать массовому оболваниванию общества провинциальные авторы, продолжающие творить в русле общечеловеческого литературного процесса, отсекаются на дальних подступах к читателю. В регионах нет торговых сетей, заинтересованных в реализации плодов их труда.

Пару лет назад получили финансовую независимость, а точнее, были отправлены на вольные хлеба библиотеки, которые прежде худо-бедно, но что-то у местных авторов приобретали. Уровень знаний современной литературы у нынешних библиотекарей далёк от должного (что вполне естественно, многие из них росли и все без исключения живут в этой среде культуры тьмы) и не распространяется далее набивших оскомину, разрекламированных поделок и подделок.

На мой взгляд, в этой ситуации библиотеки должны стать собирателями и хранителями образцов традиционной литературы, лучших произведений местных авторов, а не складировать изыски ловких графоманов и ремесленников, зашибающих на этом поприще «бабки», стригущих «купоны», набивающих «бабло» и тому подобное, и прочих, отнюдь не способствующих познаниям реалий жизни, сочинений. *Литература – это, всё-таки, концентрация опыта человечества, предмет постижения жизни, а не ухода от неё*. Сегодняшние технические возможности и Интернет вполне позволяют библиотечному центру, приобретя у автора право на тиражирование, распространять оригинальные произведения по региону, стране, да и по всему миру. Пора от избы-читальни переходить к монастырской библиотеке. Нынче нет необходимости ликвидировать безграмотность. Сейчас время собирать и сохранять пока не востребованное обществом... Главная задача книгохранилища, каковым сегодня, как и было издревле, становится библиотека, – это не удовлетворение сиюминутного читательского спроса, а сохранение действительно важных документов истории. К пониманию этого наши хранители человеческих знаний и опыта придут не сразу. Но придут...

Начинать же возвращаться к магистрали общечеловеческой *культуры дня* следует с перемен в государственных управленческих структурах. И что необходимо перекроить в наших учреждениях культуры в первую очередь, так это зависимость культуры общества (*воздвигания, воспитания, образования*) от культуры чиновника. Поставить этот предмет с головы на ноги. Культура в первую очередь зависит от того, кто *воздвигает, воспитывает, образует*. От творца, а не от управленца. Но мы пока не встали на ноги. У нас пока всё наоборот. Этот парадокс стал неотъемлемой частью нашей жизни. Он давно уже мифологизировался в воспоминаниях, рассказах, полуанекдотичных и грустно-смешных историях, отражающих, кажется, вечное противостояние творца и чиновника. Так было прежде, при коммунистах, так есть и сейчас. Так же, как при Советской власти, сегодня именно чиновник определяет, на что и кому выделять деньги. Так же, как и в советские годы, хорошему делу и талантливому человеку немало требуется сил, здоровья и веры, чтобы реализовать то, что потом признаётся шедевром. И, как правило, оценивать и ценить у нас привычнее после смерти.

Не могу забыть недавний разговор с занимающим значимое место и влияющим на культуру чиновником. Пример этот не единичен и чиновник тоже многолик, персоналии значения

не имеют. Главное, что этот Чиновник и сегодня продолжает «рулить». Так вот, на предложение посодействовать изданию книг местных писателей он искренне удивился и тому, что ещё кто-то пишет, и тому, что кому-то книги, оказывается, нужны. И посоветовал выставлять написанное в Интернет. Дескать, так дешевле для бюджета... Аргумент о том, что настоящая литература весьма далека от сетевых излияний, он не воспринял...

...Когда художник судит о работе коллеги – это понятно. И это приемлемо, ибо это оценка человека знающего и делающего то же дело... Но вот отчего чиновник, не умеющий ни рисовать, ни сочинять музыку, ни писать стихи, судит обо всём?

Отчего ему сегодня дано право решать, давать деньги или не давать на то или иное действие? Отчего он считает, что миллионы, вложенные в скучнейшие и помпезные площадные или стадионные мероприятия, эффективнее *воздвигают, воспитывают и образуют*, повышают уровень культуры, чем изданная книга или вернисаж? Отчего как расходовать крохи, отпущенные на культуру, решают не мастера культуры?..

Я вижу сегодня единственным действенным инструментом возрождения культуры (при её вечном недофинансировании) всемерное содействие общества и тех же чиновников созданию фондов. Больших и маленьких. Под конкретные дела. Именно создание фондов по возвращению общества к ценностям истинной культуры может сегодня ускорить возвращение на магистраль общечеловеческой культуры. Вот этим бы заняться чиновникам... А распределять бюджетные средства следует не в кабинетах за закрытыми дверями, а в открытых обсуждениях с творческими организациями, прислушиваясь к тому, что говорят истинные профессионалы по *воздвиганию, воспитанию и образованию* наших детей и внуков...

История человечества подтверждает: в памяти людей остаётся *культура дня*, света, она – единственный источник с живой водой.

Я – сторонник этой культуры, служащей жизни и Богу, выдающей в Космос энергию Любви.

2008

Неразменное богатство

Не думал, что затоскую по временам застоя. Уж как в своё время хотелось вывернуться из-под опеки коммунистического авангарда рабочего класса, вырваться из прокрустова ложа марксистско-ленинской идеологии, социалистического равенства, грандиозных трудовых свершений, наконец, просто выехать за рубежи страны родной. Так, наверное, живущий под снежными вечными вершинами, дышащий пронзительной чистоты воздухом, морозно-звонящим – зимой, одурманивающе-пьянящим, настоящим на разнотравье – летом, домосед-горец, соблазнённый забредшим говорливым туристом, мечтает о городской толчее, какофонии машинного стада, о неведомом ему ядовитом воздухе мегаполиса.

Нет, конечно, мы, кого, как я теперь понимаю, безродные завистники пытались, да и продолжают пытаться, унижить словом «совок» (отчего оно только приобретает романтический оттенок), не были такими уж неискушёнными и целомудренными в своей, отверженной от западной цивилизации стране. Но всё же то, чем жил, что обрёл и что потерял «загнивающий» от капитализма Запад, представляли действительно плохо. И в запретно-сладостном видении «из-за забора» всё там выглядело весьма заманчиво.

Сейчас большинство моих молодых сограждан, за исключением разве тех, у кого годы молодости выпали на закат развитого социализма, с трудом представляют, как же жили в тот самый застойный социализм (или социалистический застой) их родители, дедушки и бабушки... И считают, что плохо. Холодно и голодно...

Ну что сказать, действительно, сытно жила только столица, откуда разбегались по ближним окрестностям «колбасные» электрички. А во все, даже самые дальние, уголки огромной державы, непрерывным потоком шли указания партийных и советских органов. Прилавки магазинов необременительно радовали небогатым выбором самого необходимого, какие уж там деликатесы и разносолы. Длинные очереди заставляли учащённо биться сердца: «Что дают? Что выкинули?». К концу этой эпохи построения социализма дефицитом было практически всё, кроме чиновничьих документов и анекдотов, среди которых наибольшей популярностью пользовались политические. Не так давно об одном из них, уже изрядно «бородатом»: спрашивают ученика в двадцать первом веке: «Знаешь, кто такой Брежнев?». – «Знаю, – отвечает, – мелкий политический деятель во времена Аллы Пугачевой», напомнило ТВ, с помпой отмечавшее юбилей певицы.

Да, мы, можно сказать, жили в обществе тотального дефицита материальных ценностей. Но у нас был свой, не ведомый остальному, не знающему этого дефицита, миру животворящий оазис – многонациональная культура огромной страны – Союза Советских Социалистических Республик – тот самый духовно необходимый эликсир, способный заменить и авто, и джинсы, и колбасу...

Теперь, когда полно машин, джинсов и колбасы, я понимаю, как сильно мы прогадали, заплатив за автомобильные пробки, рабочие штаны и умащённые всяческими небезопасными добавками мясные отходы, тем, что неизмеримо ценнее...

На моей книжной полке с тех насытых советских времён живут книги, которые в своё время не только заменяли дефицит материального мира, но и безгранично расширяли мой собственный мир. И среди них, помимо сочинений классиков русской и иностранной литературы, немало трудов тех, кто является моими современниками. И когда-то мы с ними жили в одной стране, а теперь многие из них являются подданными других государств. Но, как и прежде, они – мои собеседники, советники, оппоненты... Одним словом, мои лучшие друзья.

Мне трудно вообразить, что, приехав в Кыргызстан, я буду чувствовать себя чужим. Одной из первых памятных встреч, раздвинувших горизонты познаний русского подростка, стала для меня встреча с прозой Чингиза Айтматова. Именно его Джамиля стала олицетворением киргизской девушки – трепетной, быстрой, загадочной...

«Джамиля была хороша собой. Стройная, статная, с прямыми жёсткими волосами, заплетёнными в две тугие, тяжёлые косы, она ловко повязывала свою белую косынку, чуть наискосок спуская её на лоб, и это очень шло ей и красиво оттеняло смуглую кожу гладкого лица. Когда Джамиля смеялась, её иссиня-чёрные миндалевидные глаза вспыхивали молодым задором, а когда она вдруг начинала петь солёные аильские куплеты, в её красивых глазах появлялся невинный блеск...»

Потом были упоение романтической повестью «Белый пароход», открытие иного народа в повествовании «Пегий пёс, бегущий краем моря», горячие споры по поводу романа «И дольше века длится день (Буранный полустанок)» и, наконец, постижение пророчества романа «Плаха».

Я никогда не был в Киргизии, но мне кажется, я знаю культуру, обычаи, характер, или то, что называют менталитетом этого народа. Но главное: киргиз Чингиз Торекулович Айтматов очень хорошо знал меня, паренька, выросшего на берегу далёкой от Киргизии европейской реки Западная Двина...

Думаю, немало моих сверстников могут похвастаться тем, что у них были замечательные учителя.

Живущие за многие тысячи километров.

Говорящие на других языках и щедро делящиеся своими знаниями.

Тонкое дело Востока я познавал через прозу узбека Тимура Пулатова. Первой была повесть «Завсегдатай».

«В балет я попал совершенно случайно и неожиданно, на базаре, где я торговал старыми книгами – без всякой прибыли, за свою цену, – меня заметил один приезжий учитель. Почему-то ему показалось, что я подаю надежды, не спорю, я был стройным красивым мальчиком... Мне так захотелось в столицу, так увлёк учитель! Отец – странно – сразу согласился, мать поплакала. Ученики никогда не ошибаются в своих учителях, учителя же всегда в учениках, так и мы, должно быть...»

Сочетание, казалось, трудно сочетаемого: балета, книг, базара – всё в одном абзаце. Такая она и есть, окрашенная романтикой и одновременно правдиво-жизненная проза Тимура Пулатова.

Потом было знакомство с другими его повестями, романом «Жизнеописание строптивого бухарца», через которые я узнавал ещё один народ, приобретал ещё один мир... Какое-то время мы существовали вместе, и Узбекистан стал для меня не только страной песков, дынь, изюма и тюбетеек...

Уже будучи сложившимся взрослым человеком, впервые прочёл стихи казаха Олжаса Сулейменова «В винограднике»:

*По виноградному листу
ползут улитки
и тащат на спинах
кибитки
Кочевник скакал,*

*а век его полз,
у каждой бурной сложности
есть тихий образ,
он обнажающе прост
(чтобы понять суть общественного явления,
найди в природе сравнение).
«Ты ползешь», – улите скажем,
удивится: «Нет, мы скачем».*

Чем не поэтическая иллюстрация к теории относительности?.. Чем не квинтэссенция философского трактата?.. Чудесное сочетание, когда словам тесно, а мыслям просторно...

А потом Сулейменов поразил читающую публику и меня книгой «Аз и Я», в которой переплетались, шли рядом, сталкивались события древности, отражённые в памятниках славянской и тюркской письменности, неожиданно, по-новому, порой очень даже спорно, открывались взаимосвязи половецкой степи и Киевской Руси. Эта книга породила немало дебатов не только среди маститых критиков и историков, но и внимательных читателей. Это был неожиданный, совершенно новый взгляд поэта на историю. Я бы отнёс её к тому непеременимому списку трудов, без которого культурному человеку трудно понять и себя, и историю, и мир людей...

...Когда сегодня не находят общего языка грузины и абхазцы, мне это непонятно. И горько. В годы советского прошлого литература этих двух народов воспринималась мною как единое целое. Колоритный язык, своеобразные обычаи, южный темперамент и мудрый оптимизм как итог некоего тайного знания – всё это делало писателей тогда Грузинской республики в составе СССР интернациональными.

«Справа от моего села протекает река Губазоули, слева – небольшая речушка Лаие, кишащая крабами, бычками и босоногими мальчишками. Через Губазоули перекинут мостик. Каждой весной взбушевавшаяся река уносит его, оставляя только торчащие из воды сваи. И всё же моё село самое красивое и весёлое в Гурии. Я люблю его больше всех сёл на свете, потому что нигде не может быть другого села, где жили бы я, бабушка, Илико, Илларион и моя собака Мурада...»

Это абзац из романа Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион», по которому моё поколение внешнюю оболочку усатого рыночного торговца фруктами или цветами в неизменной кепке-«аэродроме» заполняло искромётным симпатичным содержанием, делая «аэродром» частным случаем, а прозу Думбадзе – истинным описанием бытия грузинского народа.

Фазиль Искандер долгое время для меня тоже был грузином. Его «Кролики и удавы» сразу после публикации ходили по рукам, по этой повести мы выстраивали свои аллегории, находили подтверждение собственному пониманию происходящих в обществе процессов.

Публикация в самиздатовском сборнике главы из романа «Сандро из Чегема» «Пир Валтасара» стало смелым и своевременным откровением. Это с точки зрения содержания. Для тех, кто в то время уже предчувствовал перемены. Но для меня проза и Думбадзе, и Искандера – это прежде всего цвет, звук, запах, интонация... И это удивительная, просто роскошная, под стать здешним местам и климату, образность...

«Порывы озонистого воздуха порою трепали его голос, как бельё на верёвке, иногда слишком сильный порыв ветра, оборвав кусок недослышанной мелодии, уносил его с собой и вышвыривал её на берег.

Иногда наоборот, как бы заталкивал назад в его поющий рот уже спетую часть песни, но Арменаки, напряженившись, вышибал её из глотки последующим куском мелодии, и в воздухе несколько мгновений дребезжали куски мелодии, заклинившиеся и рвущиеся в разные стороны, как сцепившиеся собаки».

Это картина из «Сандро из Чегема».

Так и стоят на полке рядом произведения грузинского и абхазского писателей, заставивших меня влюбиться в народы и культуру, которые они представляют, и события последних лет, случившиеся в благодатном тёплом краю, я так, похоже, и не смогу принять и постигнуть. Как, пожалуй, не приму никакого объяснения тому, что сейчас лишён возможности наслаждаться современной грузинской литературой. Думал, может, её уже нет, но прочёл в журнале «Голос Кавказа» подборку грузинского поэта Владимира Саришвили и ещё раз убедился, как обеднели мы за последние годы, утратив доступ к чистым родникам слова...

Не могу удержаться, чтобы не привести всего одно стихотворение «Зима» из этой подборки.

*Торгуя оптом и вразнос
Лебяжьим пухом, карамелью
Сосулек, опустивших нос,
Бранясь с пургою и с метелью,
Не зная роздыху ни днём,
Ни ночью, лотовала долго,
Переругалась с февралём,
А март простить не хочет долга.
И не помогут взятки тут -
Товар весь будет уничтожен.
Ручьи – сотрудники таможен -
Уже бегут, бегут, бегут...*

Пройдут годы, десятилетия, и наши потомки переживут новые открытия оставшегося в прошлом, неоправданно забытого. Откроют они вновь и романы Юрия Рытхэу, по которым будут изучать историю чукотского народа в противовес расхожим анекдотам. И пусть в них немало штампов, того, что называется социалистическим реализмом, они отражают своё время.

«Между тем около школы собралась толпа, хотя до начала ещё было далеко. Чтобы не скучать, юноши устроили прыжки в длину на снегу, а ребята ловили арканом оленьи рога. Зрители возгласами подбадривали прыгунов, а наиболее бойкие из стариков сами становились в ряд. Кто-то принёс пастуший посох и утиное крыло. Посох воткнули в снег, крыло привязали к нему довольно высоко от земли. Нужно было прыгнуть так, чтобы сдвинутыми носками достать до утинового крыла».

Это абзац из романа Рытхэу «В долине маленьких зайчиков».

«Сколько древесины пришлось уложить в цифры Мартину за его жизнь! Цифры были миром людей-букашек, без цифр они были беспомощны. Они измеряли и вычисляли, сложное делали простым, а то, что в природе было кривым, – искусственно выпрямляли. Искусство людей и природа находились в разладе и не жаловали друг друга; надо полагать, что не жаловали. Порой природа оказывалась столь всесильной, что могла равнодушно взирать на геометрию и прочие ухищрения. Но тем беспощаднее становились люди, создавая своё искусство, которое во что бы то ни стало должно было изуродовать природу...»

А это строки из повести эстонца Арво Валтона «Час перехода».

Какое огромное расстояние, и не только в пространстве, разделяет эти два писательских взгляда. И тем не менее это две грани, два крайних спектра одной обширной, уникально-богатой, как никакая другая в двадцатом веке, то, что мы ещё не осознали, – советской литературы. Именно ей суждено стать основой литературы двадцать первого века...

В подаренной Валтоном книге лаконичный автограф: «Дружески» и подпись. Другими мы не были и за несколько дней, что провели вместе, немало спорили о тоталитаризме и демократии, Западе и Востоке, но книгу его я прочёл с интересом, через неё стараясь понять эстонский народ, его, Валтона, нелюбовь к советской стране, его нескрываемое желание уже тогда, в доперестроечное время, отделиться во что бы то ни стало, жить своим маленьким государством...

Не думаю, что теперь он столь категоричен, что так и следовало поступать. Во всяком случае, читателей у него стало очевидно меньше...

Оглядываясь назад, ещё и ещё раз убеждаюсь, как много мы потеряли, раздробив, в общем-то, уникальное государство. Мы перекрыли, осушили множество ручейков иных культур, иного знания, иного мировосприятия, которое взаимно обогащало.

Бедность ощущаю, потому что не забыл вкус от богатства многообразия творений человеческого духа. Оттого, что храню в памяти и романтику карпатских былин, и основательность латышских саг, и самобытность среднеазиатских акынов... Бедность ощущаю, потому что не могу прочесть украинских писателей, с которыми, как и прежде, чувствую кровное родство, чью «мову» люблю, как люблю и вызывающий желание разгадать характер хохлов...

Но ещё больше потеряли те, кто так стремился в своё время отделиться, закрыться границами, соблазнившись местечковой гордыней, чтобы в конце концов окончательно утратить самостоятельность, самобытность, раствориться в унифицированном эрзаце псевдокультурного планктона, хлынувшего с материально благополучного Запада.

Я был богат и культурой малых народов, которая неплохо себя чувствовала в стране тотального материального дефицита. Более десяти лет прожил в Черкесске, столице Карачаево-Черкесской автономной области, входившей в состав Ставропольского края. Ходил на спектакли национальных трупп в областном драматическом театре, руководил областным литературным объединением, членами которого были национальные авторы, пишущие на русском языке. Вместе с писателями области и края выезжал на горные пастбища, в совхозы и колхозы, на предприятия, где нас слушали русские, карачаевцы, черкесы, абазины, ногойцы, осетины... Слушали и понимали...

Книги карачаевца Муссы Батчаева тоже на моей полке. Рядом с книгами ногойца Исы Капаева.

Мусса ушёл из этого мира на взлёте своего творчества, но то, что он успел рассказать о своём народе, бесценно и бессмертно. Сегодня он – классик карачаевской литературы.

«Не приходилось ли тебе когда-нибудь бывать в обычном карачаевском ауле, известном, прямо скажем, лишь тем, что он никому не известен? Почему? Да потому, что такой аул прячется в горах, в укромном месте, в стороне от людских широких дорог. И ты будешь прав, если скажешь, что он, по всей вероятности, непричастен к существованию на земле всех семи больших и семидесяти мелких чудес. Ты прав – к этому он непричастен.

Итак, будь у нас гостем, путник!»

Это строки из его повести «Аул Кумыш».

А вот абзац из откровения Исы Капаева.

«Быстрая езда на грузовике волнует не меньше, чем стремительная скачка на горячем аргамаке. Я стою, опираясь руками о железо кабины, нахлобучив кепку на самые глаза. Встречный ветер, перемешанный с песком и пылью, хлещет в лицо. Впереди – необъятная, пахнущая зноем степь. Синий горизонт как бы в одной упряжке с солнцем – не догнать ни на каком скакуне... Белые ковыли, серые полыньники, зелёные разливы люцерны, желтизна пшеничных полей мчатся навстречу. Кажется, всё однообразно в этой степи. И вдруг, среди седого ковыля, как неожиданная мысль, – сверкнёт одинокий алый мак...»

Когда-то книги Исы Капаева, как и Муссы Батчаева, издавались в Москве массовыми тиражами и были доступны в любом уголке большой страны, удовлетворяя любопытство тех, кто хотел знать о том, чем живут эти народы. Сегодня тиражи их книг – сотни экземпляров – для друзей, знакомых, библиотек...

Кто от этого выиграл?

Разве что неуч, который кичится своим невежеством...

Жаль только, что расплачиваться за самонадеянность этого неуча приходится обществу...

Да, несмотря на пустые прилавки в магазинах, мы были в той стране чертовски богаты.

Потом пришёл капитализм.

СССР не стало.

Дефицита продуктов и ширпотреба не стало.

Правда, появился более страшный дефицит.

Дефицит, поражающий душу.

Дефицит знания культуры иного народа.

Мой мир сузился, замкнулся в рамках минувшего, и на отдалении всё более и более острой становится ностальгия по ушедшим временам. Нет, не по советской империи и партийном диктате, которыми всё продолжают пугать нас доброхоты. Ностальгия по тому, что моя книжная полка, на которой мирно уживаются, обогащая друг друга, прагматично-рассудочный Запад, знойно-лукавый Восток, эмоционально-энергичный Юг и рассудительно-основательный Север, вот уже многие годы совсем не пополняется...

А ведь внукам придётся тратить силы и время на обретение утраченного.

Я несколько в этом не сомневаюсь.

2009

От опьянения свободой к хрусту кокона

(Русская литература в журнале
«Южная звезда» 2001-2011 гг.)

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Всё в подлунном мире циклично. И этому маху эволюционного маятника времени подчиняются все без исключения, даже критики, взявшие на себя непомерную ношу претендовать на прозорливость, быть судьями. Оттого и не могли они не поддаться общему апокалиптическому настроению, не могли не внести свою лепту в общий хор хулителей выпавшего на нашу жизнь периода перехода из одной формации в другую. И трудно с ними не согласиться, ежели видеть страну в границах московской кольцевой дороги, а оценивать тот же литературный процесс по столичным писательским тусовкам и продукции столичных же издательств.

Не буду спорить, маятник занял своё крайнее положение бездуховности, так воспринимает во всяком случае сегодняшний день наше поколение, знавшее, может быть, более застойные, но и более духовные годы. И мы это ощущаем даже в менее подверженной разложению провинции, благодаря массивованному обольваниванию телевизионной ложью. Каково же на переднем крае, в столице, там и просвета в рыночном разгуле серости не видно...

Впрочем, это утверждение вполне подходит и к брежневским застойным временам, тогда так же массово издавалась идеологическая – правда, благодаря цензуре и грамотному институту редактуры, более качественная, чем ныне – стряпня. А в дефиците было истинное, то, что является продолжением многовековой столбовой дороги общечеловеческой эволюции культуры. То есть эволюции души. И в самые аховые и смутные времена всегда находились творцы, которые создавали то, о чём не ведали даже авторитетные критики, старательно изучавшие наглое, нахрапистое, что лезло в глаза, что преподносил им издатель, служащий то режиму, то рынку. И крайне редко, оттого имени таких провидцев и остались в истории, вечности.

Не в обиду сегодняшним достопочтимым критикам будет сказано: стоило бы отвлечься от яркой мишуры раскрученных писательских проектов да вспомнить своих предшественников более чем столетней давности с их умением находить истинное под наносным. Оттого и не могу согласиться с теми, кто торопится прошедшее десятилетие обозвать непродуктивным, выхолощенным. Именно в это десятилетие, судя по книжным магазинам, несомненного засилья коммерческого чтива, пусть маленькими тиражами, но выходили за счёт автора или с помощью редкого филантропа настоящие книги. Продолжали удерживать плацдарм высокого мастерства пусть и мизерными тиражами не только старые известные толстые журналы, но и появившиеся, невзирая на их очевидную коммерческую невыгодность, новые. И функции у них остались прежними: связывать неразрывный литературный (духовный) процесс, предоставляя новым авторам возможность выходить к читателю, – пусть и немногочисленному нынче.

Но я бы согласился с пессимистами в том, что публикации минувшего десятилетия в толстых и не очень толстых журналах, в мало– или многотиражных книгах, должны были поднять планку художественности и мастерства, в действительности снизили её. Но при этом существенно расширили диапазон творческих изысканий.

Я называю это «опьянением свободой».

Когда было многое под запретом, Слово позволяло себя раскрыть настоящим мастерам, делаясь *тайной многозначностью многомерности, мощью, неподвластной даже времени*. Снятие запретов, в том числе нравственных и профессиональных, породило вал словесных поделок, обманок, в которых преобладает смысл поверхностный, одномерный, а оттого практически не воздействующий на внутренний мир, душу человека. А зачастую и дезориентирующий, развращающий, лишаящий той самой духовной силы, которая и делает человека человеком.

Самыми многотиражными, востребованными издателями, которые утратили просветительский дар, стали поделки ремесленников строчкогонства, подражательства.

Но нам надо было и это пережить в начале двадцать первого века, освоив эти негативные уроки. И, на мой взгляд, в это десятилетие литературный процесс прожил три жизни, три этапа.

Первый этап. БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

1. ПОЭЗИЯ КАК ПРЕДОЩУЩЕНИЕ

Вот уже десять лет я читаю замечательную поэзию. Именно *поэты первыми начали латать пробитое, прорванное матом, криминальным жаргоном и скудоумием поле русской словесности*. Есть поэты, с которыми мы вместе прожили и пережили это десятилетие, осмысливая себя, время, страну, неустанно трудясь, противостоя разлагающей заразной деградации.

В 2001 году на страницах «Южной звезды» появилась подборка ставропольчанина Сергея Сутулова-Катеринича. И в ней стихотворение

РОЖДЕСТВО-2000

Версия «Лексикон»,
Словно дряхлый комод...
Выскочи на балкон:
«Батюшки! Новый год!»
Радостно одному -
Брошенный, как пятак...
Клином на Колыму
Мыслей плывёт косяк.
Холодно. Горячо.
Хохотом душишь стыд.
«Соте in», – ворчит сверчок.
Он за камином спит.
Выключи телефон -
Можно на целый век.
Рубрика:
«Божий сон».
Версия:
«Человек».
Лампочка над столом -
В тысячу Ильичей...
Скоро покинешь дом
Царственных рифмачей.
Вольно верстай судьбу:
Свечи, вуаль, Версаль.
Точка. Тире. Табу!
Водка, селёдка, Сальск.
Выруби патефон
Точно на слове «Ночь».
Паспорт. Графа «Дракон».
Лекция «Сын и дочь».
Празднуй безумный сплин.
Синий кружится снег.

*Радиус именин,
Чистых, как первый грех.
Вечное волшебство.
Десять заветных тем.
Рубрика:
«Рождество».
Версия:
«Вифлеем».*

Это стихотворение, вобравшее в себя и далёкое и близкое прошлое, личностный опыт и боль, понимается как *ожидание*... Мессии ли, возрождения силы Слова, мощи русского языка, а вместе с ним и общества... Неважно чего, главное, оно – это явление, скажем так, *истинного*, – уже ожидается, уже предопределено, как восход солнца в кромешной ночи, хотя ещё абсолютным большинством не прочувствовано.

Предвидение – это удел поэта.
Но как выстоять перед напором пошлости?
Как не потерять себя, ожидая мессии?..

...В 2002 году на страницах журнала опубликована подборка Владимира Шемшученко из Ленинградской области. Вот его рецепт спасения.

МАРИНЕ

*Туда, где красные цветы,
Туда, где добрый – значит сильный,
Давай сбегим от суеты,
Давай оставим этот пыльный
Усталый город на Неве...
А там, в нескошенной траве,
Совьём гнездо, как перепёлки,
И утром хвойные иголки
В твоих прекрасных волосах
Я поцелую...
Есть в лесах
Поляны, где гуляет ветер,
И все мелодии на свете
Искрятся в птичьих голосах.*

Поэт – это камертон общества и времени. Фальшь событий заставляет его, чтобы не сбиться с истинного ритма, не принять фальшивую ноту за настоящую, искать спасения в неподвластном человеку, в вечном, по меркам человеческой жизни. А вечное в нашем, мучительно изживающем безверие обществе – *природа*. И наша память о чём-то, объединяющем нас с нею, заставляет верить в её целебное всемогущество.

Но кто же мы?
Кем стали за минувшее десятилетие перемен?
Владимир Потапов из Брянска в 2003 году отвечает на этот вопрос.

НОЧНОЙ ПОЕЗД

*Все мы, все – пассажиры, попутчики
Поездов, убегających в тьму...
Утомлённые рознью и путчами,*

*Вовлечённые в кутерьму
Пересадок... Вокзалов чертоги,
Где тяжёлый и мертвенный свет...
Спят согранные, вытянув ноги,
Покурив дорогих сигарет.
Спят вповалку, на лавках ободранных,
Что-то зло бормоча в забыты.
Сверху смотрит Господь на них, погранных,
Обделённых в счастливом пути.
Век не знать бы ни цен, ни политики,
День полочки б совсем позабыть.
Не читать криминала и критики,
В красоте, человечески жить.
Все мы, все – пассажиры, попутчики.
Как швыряет на стыках вагон!
Впереди мне дождаться бы лучшего,
Вместе с вами сойти на перрон.*

Слово не осознало ещё (или утратило) свою всеильность, могущество, оттого ещё не способно противостоять воинственному невежеству и духовному распаду, а лишь фиксирует реальность.

И передаёт робкую надежду на кратковременность лживых идеалов, пропагандирующих нечеловеческое бытие...

...Три стихотворения, написанные в разных уголках России в начале нового века.

В них – ощущение осознаваемой угрозы человеку, обществу, стране, от произошедших, совсем не тех, которые ждали, перемен, хотя большинство этого ещё не осознаёт.

2. ОСТАНОВИТЬ МГНОВЕНИЕ

*(неповторимость происходящего
в документальных произведениях)*

Журнал «Южная звезда» не имеет жёсткого формата ни в отношении к известности авторов, ни в ограничении жанров. Но несомненно тяготеет к реализму. И якорем, который не позволяет ему унести под напором рыночных течений в мутные воды эпигонства, издательского безвкусыя и потакания низменным страстям, является раздел «Мемуары». По сути это документы времени, свидетельства современников. Это то, что можно назвать неинфляционным капиталом.

Этот раздел открывает каждый номер журнала. И каждая публикация в нём оригинальна и не может быть повторена даже самыми незаурядными виртуозами подделок.

В первом номере опубликованы удивительные по своей искренности исповедальные рассказы Галины Пухальской. Фактически они и задали тон последующему отбору произведений, размещаемых в этом разделе. Искренность, реальность произошедшего, документальность основа и... хороший русский язык. Порой, правда, требования к литературному мастерству снижались в угоду «правде жизни». Так, «Записки каменщика» Николая Радчука, бригадира строителей из Ставрополя (2002 г.), не отличающиеся изящной словесностью, тем не менее стали событием, поведав об отношениях в рабочей среде создаваемого капиталистического общества.

Впрочем, новизна, *невыведенный жизненный сюжет* присутствуют в каждой публикации этого раздела. И желание остановить мгновение, зафиксировать его пролетающую ценность и важность для других, в начале нового века является главным.

Наряду с небольшими произведениями, описывающими события непродолжительные, произошедшие в недалёком прошлом, в эпоху перемен или в только что минувшем настоящем, на страницах журнала публикуются и объёмные труды, претендующие на анализ исторических событий.

Так, в 2006 году появилась публикация Гария Немченко «Вольный горец», в которой прошлое России и Кавказа соединены важными для взаимосуществования нитями естественного, закономерного и жизненно-необходимого взаимointереса.

А 2007 год можно назвать годом Евгения Карпова. Девяностолетний писатель, живущий в Киеве, участник Великой Отечественной войны, прошедший лагеря, и немецкий, и советский, окончивший Литературный институт, учившийся у Константина Паустовского, знавший многих известных и великих и сам немало создавший в литературе, в своём предельно открытом повествовании «Всё было, как было» высветил эпоху социализма во всех её гранях, приглядных и неприглядных.

Для публикаций этого раздела в начале века характерно именно *пристальное внимание к оставшемуся в прошлом, но не обесценившемуся на отдалении и становящемуся всё более жизненно необходимым*. Его авторы, невзирая на агрессивно-азартное стремление части общества разорвать исторический процесс, принизить прошлое великой державы, дабы не выглядеть на фоне предтеч мелкими, эти связи наоборот стараются укрепить, понимая, что в противном случае их дом-государство на спешно сооружаемых ходулях в условиях любой иной, отвергающей прошлое идеологии, а ещё хуже, её отсутствия, не устоит.

3. ДОСТУП К ЗАПРЕТНОМУ

Вполне закономерным стало то, что отсутствие цензуры в первые годы капиталистического нашествия вызвало из небытия или забвения *произведения, не востребованные прежде*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.